

ЭКЗИСТЕНЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ HUMAN EXISTENCE

УДК: 128+130.123

DOI: 10.31249/chel/2021.04.03

Ремезова И.И.

НА СВЕТЕ СЧАСТЬЕ ЕСТЬ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ «СЧАСТЬЕ» И ЕГО МЕСТЕ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА[©]

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, iremez.koz@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается понятие «счастье» в различных ракурсах человеческой жизни. Отмечается многозначность данного понятия и поливариантность обращения к нему. Подчеркивается сложность однозначного определения понятия «счастье» и его относительность.

Ключевые слова: счастье подлинное и мнимое; священное и мирское; природа человека; парадоксальность отношения к счастью; духовный мир человека, смысл жизни.

Поступила: 16.05.2021

Принята к печати: 30.08.2021

Remezova I.I.
There is happiness in the world:
reflections on the concept of “happiness”
and its place in human life[©]

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, iremez.koz@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the concept of “happiness” in various aspects of human life. The polysemy and polyvariance of the reference to this concept is noted. The complexity of the unambiguous definition of the concept of “happiness” and its relativity is emphasized.

Keywords: real and imaginary happiness; sacred and mundane; human nature; paradoxical attitude to happiness; the spiritual world of man; the meaning of life.

Received: 16.05.2021

Accepted: 30.08.2021

Счастье есть деятельность души
в полноте добродетели
Аристотель

Важнейшее средство не быть несчастным –
не требовать слишком большого счастья
А. Шопенгауэр

Введение

Трудно сказать, что ответил бы Александр Сергеевич Пушкин своим современникам, если бы его спросили, почему в своих знаменитых стихах о том, что «на свете счастья нет» [Пушкин, 1974, с. 315], он отказал счастью в возможности БЫТЬ. Не исключено, что Пушкин мог бы пояснить, что он отрицает возможность счастья как некой постоянной, вполне определенной в качественном и количественном отношениях сущности, обладающей стабильными и прочными параметрами, позволяющими сказать: «Вот оно, счастье! Разве вы не видите?» Не исключено, что Пушкин также мог бы обратиться в этом гипотетическом диалоге к словам Аристотеля и пояснить, что счастье – это нечто производное от

деятельности человеческой души, и не просто души, а души, находящейся в состоянии устремленности к созиданию блага (см. об этом [Холл, 2019]). Возможно, для пояснения своей мысли Александр Сергеевич добавил бы, что как раз покой и воля, которые явно могут быть обнаружены в человеческой душе, – те самые необходимые условия для продуцирования состояния счастья. Вся история человеческой культуры свидетельствует о том, что уже много веков люди размышляют об этом загадочном, зыбком, неуловимом понятии, не поддающемся строгому определению. Не так уж много найдется слов, которые настолько же многозначны.

Ощущение счастья

Понятие «счастье» настолько расплывчато, а слово так часто употребляют к месту и не к месту, что оно порой перестает отражать смысл самого понятия – в результате происходит девальвация смысла. Возникает вопрос: откуда происходит это небрежное отношение к слову? Почему порой приходится слышать, что, якобы, нет смысла даже говорить об этом странном, слишком широком («ненаучном») понятии? Как знать. Возможно, как раз о нем и стоит говорить и попытаться понять, почему так многозначно это понятие, почему так «широко» употребляется это слово. Так широко, что, как сказал бы Достоевский, «я бы сузил». Каким способом сузить? Отсечь все лишнее, случайное, наносное, поверхностное? Снова возникает вопрос: откуда оно берется, это наносное и поверхностное? Может быть, это «хитрость разума», способ маскировки подлинного и настоящего, отвлечения от глубинного смысла этого понятия? Мол, «на свете счастья нет», и не о чем тут говорить, «а кстати, какое счастье, что мы успели на последнюю электричку» и т.п. (в последнем случае имя существительное играет роль наречия, а его смысл и значение при этом неизбежно «принижаются» и ослабляются, поскольку такое словоупотребление становится препоной для проникновения в глубинные смыслы самого понятия). И взгляд человека при этом скользит по поверхности бытия, даже не пытаясь проникнуть в глубинные слои. Казалось бы, зачем лукавить и маскировать свою жажду по настоящему и подлинному счастью? Зачем говорить, что счастья нет (а если и есть, то оно мимолетно, и нет смысла это обсуждать)? Может

быть, потому, что говорить о подлинном всегда страшно и ответственно (или даже порой невозможно, потому что оно есть таинство, а прикоснуться к таинству можно лишь будучи посвященным?)

Как бы то ни было, но люди часто словно бы намеренно обесценивают это понятие, и в результате слово перестает вызывать душевный трепет – слишком часто и слишком по многим, порой несовместимым между собой, поводам оно употребляется. Очень много сказано о счастье, обретенном во взаимной любви, и о том, как оно улетучилось, когда любовь прошла. Прагматичные люди (и среди них доктора) заявляют, что счастье – это быть здоровым и полным сил. Они также добавили бы, что многие «не понимают своего счастья» и гnevят Бога, когда жалуются на жизнь. Разумеется, физическое здоровье и бодрость духа во многом способствуют возникновению позитивных эмоций и представляют необходимую базу для переживания душевного подъема, называемого счастьем. Врачи не зря советуют придерживаться принципов правильного образа жизни и питания, соблюдения тех норм, которые способствуют выработке в организме дофамина, «гормона счастья». Но, как говорится, одним дофамином счастлив не будешь. Наверное, ни один человек не согласился бы потреблять гормон счастья в виде таблетки, не раздумывая о мотивах и причинах своего душевного состояния. Человек может пресытиться простым физическим удовольствием и даже испытать нечто наподобие досады и разочарования в себе, сродни ощущению неподлинности, незаработанности, незаслуженности того удовольствия, которое ему довелось испытать.

Итак, можно говорить об ощущении счастья, которое носит сугубо индивидуальный, субъективный характер, а можно – о понимании, представлении о счастье, которое включает необходимый набор характеристик положения субъекта в мире, и это придает самому понятию некоторую объективность. Впрочем, характер объективности присущ и эмоциональному переживанию счастья, и люди могут в этом убедиться, когда начинают делиться друг с другом нюансами своих переживаний, обнаруживая много общих черт.

Поливариантность представлений о счастье

Сочетание характеристик субъективности и объективности представляет один из множества аспектов поливариативности самого понятия. Описание различных аспектов такого рода создает широкую панораму концепций счастья, что можно видеть на примерах из истории философии и истории психологии.

В частности, можно попытаться дать характеристику представлению о счастье в темпоральном ракурсе, и мы столкнемся с утверждениями о том, что это: а) краткий миг, мгновение – «ловите миг удачи!»; «МИГ забвения своего несовершенства», своей греховности и ущербности (см. об этом [Миркина, 2008, с. 278]); б) длительность спокойной, уравновешенной, правильной, устроенной по законам гармонии жизни («и жили они долго и счастливо и умерли в один день»).

Рассматривая представления о счастье с пространственной точки зрения, мы также можем обнаружить определенную двойственность и даже антиномичность, которая проявляется в таком разделении установок: а) поиски счастья «в ближнем круге» и, более того, внутри себя, в привычном ареале обитания, когда свое, родное и близкое, обретает особую ценность и привлекательность; б) стремление «в дальние дали», туда, где мы пока не бывали и где надеемся познать нечто необыкновенное и притягательное. Именно этот порыв формирует тип человека-скитальца, для которого дом родной там, где он сам.

Почему так популярны у представителей различных религий да и у светских людей путешествия по святым, «намоленным» местам? Для любителей странствий этот путь к святым местам символизирует процесс восхождения души человека к высшим духовным ценностям и приближения к образу и подобию Бога. Те же, кто ищет счастье в «ближнем круге», вероятно, предполагают, что главное «намоленное» место располагается в человеческом сердце. Что же касается поисков счастья «в ближнем круге», т.е. любви к своему, родному, в этом случае счастье видится людям в сохранении незыблемости той части мира, которая образует и конструирует привычную для человека нишу и дает возможность устроить жизнь в размеренном, упорядоченном ритме, без эксцессов и ситуаций форс-мажора. Если, не дай Бог, случается катастрофа

(пожар, наводнение и т.п.), то человек, утративший свой дом, выброшенный из отлаженного алгоритма жизни на произвол доброй воли добрых людей (они не дадут пропасть, накормят и оденут, но не смогут вернуть ощущение родного очага), очень остро ощутит и поймет, как счастлив он был еще вчера. В данном случае нельзя не согласиться с Д. Орловым, который замечает: «В этом месте идея счастья предстает сознанию в своем чистом виде, оказываясь радикальнейшей из утопий. Поскольку ты узнал о счастье ровно в тот момент, когда сделался несчастным, постольку ты так никогда и не узнал бы о нем, если бы оставался счастливым. Мы узнаем о счастье всегда поздно, имея его в виду как инобытие того, что нам дано и что нам по силам» [Горичева, Орлов, Секацкий, 2001, с. 131].

Но пока человек существует в отлаженном алгоритме привычных дел, он может задаться вопросом: а не слишком ли однообразно и скучно я живу? Не прохожу ли я мимо своего счастья? (Здесь перед его мысленным взором всплывает неясный и загадочный призрак счастья). Человек начинает тяготиться своим привычным существованием и задумываться о том, что «там, за горизонтом». Часто это выливается в «лечение географией»¹. Новые страны, новые дороги и новые друзья, новые впечатления. Вся эта новизна видится как залог нового поворота в жизни, причем поворота, обязательно связанного с проникновением в таинственный мир счастья.

Но счастье представляется загадочным лишь для светского, мирского сознания. Человек глубоко религиозный не усматривает здесь, по большому счету, никакой загадки, поскольку для него счастье состоит в обретении вечной жизни, в единении души с Богом. Жизнь земная с этой точки зрения есть лишь «генеральная репетиция» настоящей, подлинной жизни. В качестве иллюстрации этого убеждения можно привести слова Владимира Соловьева из его письма к Е.В. Романовой: «Может быть, даже хорошо, что эта внешняя жизнь сложилась для тебя так неутешительно; потому что к этой жизни вполне применяется мудрое изречение: *чем ху-*

¹ Номинацию «лечение географией» употребила в своем выступлении по радио клинический психолог Мария Киселева, имея в виду стремление человека избавиться от депрессии и других душевных тягот с помощью пути, дороги. Отправиться в путь – значит уйти от себя-прежнего к себе-другому, себе-новому.

же, тем лучше. Радость и наслаждение в ней опасны, потому что призрачны; несчастье и горе – часто являются единственным спасением. Уже скоро две тысячи лет, как люди это знают, и между тем не перестают гоняться за счастьем, как малые дети» [Соловьев, 1990, с. 157].

Большим искушением для религиозного сознания является стремление полагать подлинным все то, что относится к сфере сакрального, священного, и мнимым – все мирское. Священное по определению трансцендентно физической реальности, а трансцендентное всегда несет с собой загадку и может вызывать различные чувства: панический ужас, поклонение, жажду причаститься этой сакральности, однако никогда не может вызвать ощущения «своего, родного», близкого и понятного. Но граница между подлинным и мнимым не идентична границе между священным и мирским. Она пролегает, на мой взгляд, в пространстве внутренней жизни человека. И эта внутренняя, духовная жизнь неразрывно связана с мирской жизнью, хотя по своему нематериальному составу обладает совсем иным набором качеств, чем реальность внешняя, физическая.

Главная характеристика понятия подлинности – это честность сознания перед самим собой, способность человека ответить себе на вопрос: во имя чего? Каков смысл моего существования, каковы его цель и его ценность? В силу своей сложности и полисоставности, благодаря тому, что человек не просто включен в материальный мир, но также является носителем духовности, он может ощущать и внутри себя эту трансцендентную сакральность. Духовный мир в человеческой душе не является чем-то статичным и «парадным», он пребывает в постоянной работе души над собой, в самонаблюдении, самоанализе, самокритике и самопреодолении.

В процессе преодоления своих слабостей и несовершенств человек становится творцом «себя-другого». Путь поиска и созидания своего нового образа становится для человека путем движения его «Я» к месту встречи с мечтой, с идеалом. И на этом пути он способен обрести счастье человека-творца. Но это обретение подчас бывает оплачено весьма высокой ценой, когда человеку приходится пройти через борьбу с самим собой, с проявлениями зла в самом себе, которые открылись ему в процессе честного и непредвзятого самоанализа. Способность победить зло в себе (пе-

ребороть страх, слабость воли, трусость и т.п.) может быть сродни творческому порыву и принести ощущение счастья. Человек обретает эту способность победить зло в себе благодаря тому, что он, как замечает В.И. Самохвалова, «способен сформировать идеальное представление о себе самом, своем существовании или существовании своего социума, т.е. встать над самим собой в своем личном состоянии и строить себя (и общество) в соответствии с идеальными представлениями... Только человеку присущ этот особый вид творчества – творчество себя» [Самохвалова, 2009, с. 93].

Но счастье – это не просто «миг забвения своего несовершенства», это также миг забвения того зла, жестокости и насилия, с которыми человек сталкивается при своих контактах с внешним миром и социумом. И здесь тоже невозможно обойтись одним «забвением», поскольку возникает необходимость прямого противостояния, борьбы, подчас весьма жестокой. Есть ли тут место счастью? Как ни странно, полагаю, что есть. В борьбе за отстаивание своих ценностей и идеалов рождаются крепкие дружеские союзы, которые питают человеческую душу чувствами подлинной любви и благодарности, верности слову и долгу. Общая борьба за общие ценности и идеалы – залог прочных связей между людьми. Но порой бывает непросто определить критерии этих ценностей и идеалов, а также дать четкие характеристики понятиям добра и зла в конкретных ситуациях. В силу того, что зло многообразно и многолико и так же многолики представления о нем, невозможно свести к общему знаменателю и представления о том, что можно считать победой над злом. Эти критерии разнятся не только у разных людей; даже один человек в процессе своего духовного развития может пройти различные стадии толкования понятий добра и зла и, соответственно, понятий счастья и несчастья. В качестве примера можно рассмотреть такой феномен, как одиночество, которое в общепринятых трактовках порой представляется социальным злом (см. об этом [Янг, 1989, с. 552]). И оно, несомненно, таковым и является, если служит для человека помехой к исполнению им своего предназначения, препятствуя тому, что называют ощущением полноты жизни.

Но есть одиночество совсем иного рода – одиночество-удединение, о котором подчас приходится мечтать людям, обремененным множеством обязанностей, функций и связей. Эти обстоя-

тельства также служат своего рода помехой: эти «ненужные связи» отвлекают от главного – от поиска связей необходимых, от достижения задуманных целей – в конечном итоге также от ощущения полноты жизни, называемого счастьем.

Само понятие полноты жизни может наполняться для человека различным содержанием в зависимости от множества обстоятельств (возраст, воспитание, образование, профессия, та «референтная группа», на которую ориентирована личность в своем духовном развитии). Кто-то может ощутить себя счастливым, когда дом – полная чаша, все домочадцы здоровы и заняты важными делами (любимая работа, учеба и т.п.), в доме царит атмосфера дружбы и любви. Но для кого-то этого недостаточно, т.к. ему для ощущения полноты жизни постоянно нужны новые впечатления, новые друзья, наконец, новые идеи. Это, как уже было упомянуто, тип человека-странника, человека-скитальца. Он не может не быть всегда в пути, и любые превратности пути для него предпочтительнее тихого «домашнего» счастья. Он с таким упоением бросается на преодоление всех препятствий и сложностей пути, словно именно они есть главные символы мирового зла, победа над которым дает ему ни с чем не сравнимое чувство ликования и гордости за свои свершения.

Итак, мирское сознание не желает ограничиваться такой трактовкой земной жизни, которая в конечном счете обесценивает все житейские устремления, старания и заботы (обозначая это такими выражениями, как «суета сует и всяческая суета»). Не удовлетворяясь одной лишь формулой «генеральной репетиции», оно упрямо ищет и разрабатывает всевозможные рецепты обретения счастья земного (ведь как посмотреть – не исключено, что для полноты счастья в загробном мире не помешает «генеральный прогон» на земле разных вариантов счастья?). Стоит подчеркнуть, что конкретный, реальный человек, как правило, не может являться носителем одного из типов сознания в чистом виде. Религиозное и светское, священное и мирское в жизни часто переплетаются и создают причудливую калейдоскопическую картину. Эта картина отражается в творчестве человека, когда он дает волю своей фантазии. Человек, охваченный порывом творчества, словно парит над землей, над своими мелкими неурядицами, заботами, проблемами и слабостями. Он жаждет, он просто обязан обрести счастье,

ибо в этом он видит свое предназначение. Руководствуясь рекомендацией Козьмы Пруткина, он будет создавать такой алгоритм взаимодействия с миром, в котором мир будет повернут к нему своей «солнечной» стороной.

Жажда счастья и стремление к творчеству неразрывно связаны с жаждой познания. Познание мира, в котором живет человек, помогает ему устроить свою жизнь по законам разума и гармонии, что в результате должно служить залогом правильной, гармоничной, разумной жизни. Недаром существует крылатое выражение, что «все несчастья проистекают по сути дела от неправильных расчетов» (эти слова приписывают Б. Брехту, но они, вероятно, вполне могли бы служить руководством к жизни и для людей древних времен). На первый взгляд это утверждение кажется немного парадоксальным, но если попытаться быть непредвзято строгим к самому себе и проанализировать неприятные ситуации, в которые попадает человек, эта «максима» перестает казаться парадоксальной. Человек начинает опираться на принципы разумного устройства своей жизни, ищет счастье в стабильности и предсказуемости, разумности и логичности своих поступков и поступков окружающих его людей. Но человек не был бы самим собой, если бы успокоился на этом. Противоречивость и парадоксальность – вот его девиз.

Одно из проявлений этой противоречивости выражается в том, что человек начинает тяготиться правильностью, разумностью и логичностью своего положения, в нем разгорается жажда непредсказуемости, необычности, чего-то, что чарует и даже немного озадачивает (как загадочна и сильна власть иррационального над человеческой душой!). Человек ощущает себя свободным от привычных рамок разумности и логичности. Казалось бы, какое счастье, он обрел свободу!.. Недаром эти понятия – счастье и свобода – часто идут рука об руку в поэтических и музыкальных произведениях.

Но с трактовкой понятия свободы в связи с поисками счастья не все так просто и однозначно, поскольку понятие свободы также многозначно и многоцветно. И не всякая модификация свободы может напрямую связываться с ощущением счастья. Подчас наоборот: свобода может пугать, озадачивать и даже отталкивать, что находит свое проявление в «бегстве от свободы» (см. [Фромм,

1989)). Человек вновь готов отказаться от свободы (и главное – ответственности) и опять целиком полагаться на узы спокойной размеренной жизни в рамках устойчивой системы. Затем пройдет время, устойчивость и надежность снова могут ему наскучить, и он опять пойдет по новому кругу бесконечных поисков себя, своей судьбы, своего предназначения, смысла своей жизни, иными словами – счастья.

Итак, мы видим некие «эмоциональные качели», в режиме которых пребывают и ощущение счастья, и представления о счастье. Сознание человека в осмыслении этого понятия движется по амплитуде между противостоящими полюсами, которые кратко могут быть обозначены следующим образом: удовольствие – долг; свобода – необходимость; иррациональное, чудесное, сказочное – разумное, упорядоченное, реальное, логичное. Этот ряд примеров может быть продолжен до бесконечности, поскольку сам человек бесконечен в проявлениях своей парадоксальности.

В частности, с позиций теории вероятностей понятие «счастье» располагается на двух антиномичных полюсах: 1) случайности («счастливый случай»), удачи, везения и 2) закономерности (счастье как вознаграждение за упорный труд, терпение, мудрость, разумный подход к своему положению в мире, умение налаживать коммуникации и добиваться желаемой цели).

Представление о счастье может рассматриваться как противостояние: а) реалистичного подхода, когда счастье выступает как отчетливый комплекс позитивных характеристик (здоровье, благополучие, любовь близких и т.п.) в противовес б) фантазии, когда счастье кажется загадочным, таинственным, до конца не артикулированным феноменом.

Множество трактовок представлений о счастье могут располагаться между такими крайностями, как: а) чистое удовольствие, чувственное наслаждение; б) возвышенное состояние духа, парение над всеми мирскими удовольствиями. Это противостояние взглядов на понимание счастья есть выражение противостояния позиций профанного и сакрального. В схему такого противостояния логично встраиваются следующие несовместимые позиции: а) счастье потребителя благ, упоенного своими впечатлениями от множества «приятных вещей»; б) счастье человека-творца, который в момент вдохновения уподобляется Творцу Вселенной и ощущает неопи-

судимое удовлетворение от своей деятельности. Как сказано об этом у Горичевой, «... в основании любого настоящего творчества лежит какая-то удивительная *влюбленность в тот мир* (курсив мой. – И.Р.), который внезапно распахивается перед тобой...» [Горичева, Орлов, Секацкий, 2001, с. 158].

Если обратиться к этимологии слова «счастье», то на первый план выступает следующая цепочка родственных слов: часть, участь, участие, участок. С этой точки зрения счастливым можно назвать того, кто обрел адекватную ему, его сущности «нишу», счастье может быть истолковано как обретение своего участка, своей территории, своего личного пространства, своего дела, своего места в социуме, в семье, в коллективе, в конечном итоге – принятие своей участи. И именно готовность принять свою участь, стать частью огромного, полного проблем и загадок мира может приблизить нас к разгадке тайны, к ответу на вопрос о том, как найти счастье. Но эта разгадка будет всегда неполной и неабсолютной. Мы лишь прикоснемся к тайне, но не рискуем даже сделать попытку полного и окончательного ее разоблачения. Мы сможем уловить дуновение счастья в нашей способности возлюбить то, что нас окружает, что дает нам возможность быть. И это будет уже не та эгоистичная любовь, которая посещала нас в молодости, опьяняла и лишала способности к трезвым суждениям. Это будет бескорыстная и светлая любовь к тому, что живет вокруг нас и во многом для нас, и в ней будет ощущаться некая загадка, но при этом в ней не будет ничего искусственного, надуманного. Это будет самое простое волшебство, сказка наяву.

Интересную трактовку понятия счастья можно обнаружить у Г.С. Померанца. Опираясь также на этимологию слова, он, однако, выводит из нее иной, на первый взгляд непривычный, смысл: «Но есть глубинный смысл, заложенный в самом слове...: со-частье, собор всех частей, целостность бытия, в противоположность участи, у-части, затиснутости в какую-то часть жизни, как в каземат. Счастье – чувство целостности, полноты бытия» [Померанц, 2004, с. 50]. На первый взгляд кажется парадоксальным и антиномичным сочетание принятия своей участи, своих границ с ощущением безграничности, бесконечности жизни. Но по сути эти два модуса представления о счастье гармонически сочетаются и смыкаются в единстве.

Полнота (исполнение) жизни, как уже было упомянуто, может быть обеспечена разными путями. Но очевидно, что, когда в ходе проживания своей участи человек занят «собираанием» различных видов удовольствий и наслаждений, «нанизывая» их на свое бытие как бусины на нить, это не приносит ему ощущения подлинной полноты жизни. Это псевдополнота эгоистической замкнутости, заикленности на «себе любимом». Прочное и неподдельное чувство полноты может возникнуть как результат заботы о ближнем, приносящей ощутимые плоды (спасение от тяжелой болезни, решение сложных житейских проблем и т.п.), а иногда и не явно ощутимые. Само по себе осознание того, что удалось выполнить задуманное, приносит ни с чем не сравнимые радость и удовлетворение.

Заключение

Итак, счастье есть состояние души, которое переживается эмоционально и при этом оценивается рассудочно. Мы видим широкий спектр состояний сознания, на одном полюсе которого – чистая эмоция, аффект, ликование, упоение сознания всем, что его окружает (когда мир кажется особенно прекрасным). На другом полюсе – трезвый взгляд рассудка и его порыв дать оценку ситуации и вынести свой вердикт: какова цена этому ликованию, можно ли полагать, что это подлинное счастье, или, быть может, это жалкий симулякр, который пытается выдать себя за нетленную ценность? Разумеется, этот вердикт напрямую зависит от базовых нравственных установок сознания, от тех ценностей, которые оно признает, и от тех идеалов, которыми оно руководствуется. Но в этом процессе проверки и оценки счастья на подлинность начинают участвовать и другие способности души, например, способность воображения, которая будет строить фантастические воздушные замки и рисовать причудливые картины, способные оказывать на рассудок чарующее воздействие и нивелировать его строгий взгляд. Пускаясь в путешествие в царство грез, фантазий и сказочных сюжетов, сознание словно перерождается и обретает новое качество, новую характеристику, которая дает ему право называться «счастливым сознанием» (этот термин представляется мне неким противовесом гегелевскому «несчастному сознанию»

(см. [Валь, 2006])¹). Сказка наяву, в которую перемещается взгляд «счастливого сознания», дает широкий простор для порождения волшебства, чуда, того, что вообще-то не наблюдается в реальной жизни, но «счастливое сознание» начинает надеяться и верить в то, что чудо может иногда случаться.

Понятие счастливого сознания, на мой взгляд, сродни понятию «счастливый характер». Обладатели такого бесценного дара выдают себя с первого взгляда (их собственного взгляда), который излучает такой невероятный свет, что все вокруг светлеет. Кажется, что этим людям счастье на роду написано, они просто не способны быть несчастными, поскольку несут в себе огромный заряд любви к миру и к окружающим людям. В их окружении, как правило, не бывает плохих людей. А вполне возможно, что те люди, которые потенциально могли бы поступить плохо (обидеть, оскорбить, подвести кого-то), попадая в «магнитное поле» любви, выявляют свои лучшие качества и не представляют себе, что могли бы быть другими. Из всего этого можно сделать вывод о том, что счастье заразительно.

Размышляя о том, в чем причина безграничной многозначности понятия «счастье», можно найти объяснение этого феномена

¹ Как известно, в философской системе Гегеля термин «несчастное сознание» выражает этап развития Абсолютного Духа, а также индивидуального сознания, когда оно приходит к осознанию своей смертности и выводу о смерти Бога. Как замечает А. Секацкий, «главная беда несчастного сознания заключается в том, что оно не способно на забвение печального опыта – опыта смертности, опыта поражения и опыта предыдущих неисполненных обещаний. А поскольку счастье есть самозабвенное доверие бытию и ничем иным оно не может быть, то невозможность современного мыслящего человека обрести счастье как раз в том и состоит, что это самозабвенное доверие недостоверно для нас самих. Бытие неоднократно обманывало нас. <...> В той мере, в какой мы все равно являемся носителями несчастного сознания, счастье оказывается для нас заведомо недоступным» [Горичева, Орлов, Секацкий, 2001, с. 127]. Казалось бы, все предельно ясно и можно закрывать дискуссию. Но сознание упорно ищет новые стратегии обретения счастья и готово ради этого испытать некое чудесное превращение, преобразование, прибегнув к помощи уже упомянутой способности воображения. Эта способность дает сознанию шанс перейти из разряда «несчастливого» в разряд «счастливого», которое вопреки всем аргументам реальности вновь готово выразить бытию «самозабвенное» и неоглядное доверие, сочинить своего рода сказку.

в многозначности и многогранности самой жизни и в многомерности человека. Как полагает В.И. Самохвалова, человеку «как существу *многогранному* и развивающемуся в своей *полиинтенциональности* – для жизни недостаточно постоянного внутреннего равновесия: ему необходимо движение творческого изменения, ибо изменчив и сам мир» [Самохвалова, 2009, с. 92].

В качестве резюме хотелось бы привести выдержку из пасхального поздравления патриарха Кирилла, произнесенного им в храме Христа Спасителя, в котором он пожелал всем людям духовного благополучия, которое «на простом человеческом языке называется счастьем».

Список литературы

- Валь Ж.* Несчастное сознание в философии Гегеля : пер. с фр. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2006. – 334 с.
- Горичева Т., Орлов Д., Секацкий А.* От Эдипа к Нарциссу. Беседы. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – 224 с.
- Миркина З.А.* Избранные эссе. Пушкин, Достоевский, Цветаева. – Москва : Модерн, 2008. – 296 с.
- Померанц Г.С.* Подлинное и призрачное счастье // Померанц Г., Миркина З. В тени Вавилонской башни. – Москва : РОССПЭН, 2004. – С. 42–55.
- Пушкин А.С.* Пора, мой друг, пора... // Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. – Москва : Художественная литература, 1974. – Т. 2. – С. 315.
- Самохвалова В.И.* К пониманию человека в его человеческой идентичности // Полигнозис. – 2009. – № 2. – С. 89–102.
- Соловьев В.С.* «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. – Москва : Московский рабочий, 1990. – 443 с.
- Фромм Э.* Бегство от свободы / пер. с англ., общ. ред. и послесловие П.С. Гуревича. – Москва : Прогресс, 1989. – 272 с.
- Холл Э.* Счастье по Аристотелю. Как античная философия может изменить вашу жизнь. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. – 298 с.
- Янг Дж. И.* Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теория и ее применение // Лабиринты одиночества / пер. с англ., сост., общ. ред. и предисловие Н.Е. Покровского. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 552–593.

References

- Val, Zh. (2006). *Neschastnoe soznanie v filosofii Gegelya* [Unhappy Consciousness in Hegel's Philosophy]. Saint-Petersburg : Vladimir Dal.
- Goricheva, T., Orlov, D., Sekackij, A. (2001). *Ot Edipa k Narcissu. Besedy* [From Oedipus to Narcissus. Conversations]. Saint-Petersburg : Aletejya.
- Mirкина, Z.A. (2008). *Izbrannye esse. Pushkin, Dostoevskij, Cvetaeva* [Selected essays. Pushkin, Dostoevsky, Tsvetaeva]. Moscow : Modern.
- Pomeranc, G.S. (2004). Podlinnoe i prizrachnoe schaste [Genuine and illusory happiness]. In: Pomeranc, G., Mirкина, Z. *V teni Vavilonskoj bashni* [In the shadow of the Tower of Babel] (pp. 42–55). Moscow : ROSSPEN.
- Pushkin, A.S. (1974). Pora, moj drug, pora... [It's time, my friend, it's time...]. In: Pushkin, A.S. (1974). *Sobranie sochinenij* [Collected works] (pp. 315). Vol. 2. Moscow : Hudozhestvennaya literatura.
- Samohvalova, V.I. (2009). K ponimaniyu cheloveka v ego chelovecheskoj identichnosti [To the understanding of man in his human identity]. In: *Polignozis*, 2, 89–102.
- Solovev, V.S. (1990). «Nepodvizhno lish solnce lyubvi...». Stihotvoreniya. Proza. Pisma. Vospominaniya sovremennikov [«Only the sun of love is motionless...». Poems. Prose. Letters. Memoirs of contemporaries]. Moscow : Moskovskij rabochij.
- Fromm, E. (1989). *Begstvo ot svobody* [Flight from freedom]. Moscow : Progress.
- Holl, E. (2019). *Schaste po Aristotelju. Kak antichnaya filosofiya mozhet izmenit vashu zhizn* [Happiness according to Aristotle. How Ancient Philosophy can Change Your Life]. Moscow : Alpina non-fikshn.
- Yang, Dzh.I. (1989). Odinochestvo, depressiya i kognitivnaya terapiya: teoriya i ee primenenie [Loneliness, depression and cognitive therapy: theory and its application]. In: *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness] (552–593). Moscow : Progress.